

Панкисское ущелье сегодня находится в состоянии кризиса. Имеющим место в обществе бытовым, социальным или же политическим процессам присущи все характерные для государства, пребывающего в переходном состоянии, трудности.

Сегодня в Панкисском ущелье разрушена культура, на формирование которой ушли десятилетия; сплоченная, правда мозаичная, но все же единая культура ущелья, которая, используя свои спецхарактеристики, заботилась о стабильности общества, его безопасности. Она оказалась зависимой не только от политической ситуации, но и от степени сплоченности ее составных частей.

Социально-политическая ситуация подвергла испытанию традиционную культуру. Элементы, стабилизирующие общественные отношения, быстро исчезли, и общество впало в кризис. Единая, цельная культура распалась на микроэтнокультуры каждой отдельно взятой группы, чему, безусловно, оказало содействие изменение ориентаций. Еще большей закрытости и без того закрытой культуре Панкисского общества способствует «реальная мусульманизация» значительной части его населения. Культура все больше закрывается. А это становится препятствием на пути демократического процесса, проведения реформ.

В.Г. Соболев

**АК БУЛУН (СВЕТЛЫЙ МЫС)
КАК ПРИМЕР РЕЛИГИОЗНОГО СИНКРЕТИЗМА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Религиозный синкретизм в Центральной Азии — явление довольно хорошо изученное. Многочисленные примеры сочетаний исламских и доисламских верований, зороастризма и буддизма, христианства различных направлений и шаманизма — все эти многоликие религиозные традиции, тесно связанные и переплетенные между собой, не раз становились предметом исследования отечественных и зарубежных этнологов. Не раз обращались они и к проблематике христианского среднеазиатского наследия [Бартольд 1964: 265–302, 315—319; К истории христианства... 1998].

Однако абсолютное большинство исследований посвящено либо разнообразным сочетаниям домусульманских религиозных традиций (шаманизма, зороастризма) с исламом, либо древним и средневековым христианским культам.

В то же время до сих пор мало внимания было уделено тому, как происходило становление и распространение христианства в Средней Азии в конце XIX — начале XX в., а именно тому, как соотносилось русское православие с исламом и более ранними местными традиционными верованиями. Хорошо известно, что некоторые мусульманские святыни Средней Азии со времени проникновения сюда русских постепенно становились священными и для Русской Православной церкви. Так, например, дело обстояло с *мазаром* Донийора, пророка Даниила в Самарканде.

Мало изучены любопытные объекты, находящиеся в Нурабадском районе Самаркандской области, про которые В.Л. Вяткин сообщает: «Кроме того в ущельях по северному склону Шахриябзских гор находились не утратившие и доныне своих названий кишлаки: Ана-зиарати, Чункаймыш, расположенные рядом на горной речке сай Чункаймыш и Кепак кулы. Ана-зиарати, обнесенная стеной, играла роль крепости. Здесь самым известным из последних в Средней Азии мистиков и автором очень популярных сочинений Суфи Алла-ярмом, узбеком из рода Утарчи, была построена мадраса, примыкавшая к крепостной стене, сохранившаяся до наших дней, и соборная мечеть. Соседние горы — Аламлик, Кухи-Сафид и Тахт-гохи-хазрети-Иса-Пайгамбар (место трона пророка Иисуса, т.е. Христа, который у мусульман считается за пророка), не изменили своих названий. Самое название Ана-зиарати в переводе означает свидание с матерью, посещение матери, каковое название, по сказанию туземцев, произошло по той причине, что в этой местности Христос однажды встретился с своей матерью. Легенда эта имеет несколько вариаций, как и легенда о пещере пророка Давида, находящейся недалеко от Чункаймыша» [Вяткин 1902: 55].

В этой связи представляется крайне интересным место, выбранное для устройства первого в Центральной Азии православного монастыря. Иссык-Кульский Троицкий миссионерский общежи-

тельный мужской монастырь был основан епископом Александром (Кульчицким) в 12 верстах от селения Преображенского в урочище Курменты (Пржевальский уезд) 21 мая 1882 г. Епископ Александр лично выбирал место, лично объехал Светлый мыс (Ак Булун) верхом, советовался с местными крестьянами. В описаниях, которые приводит епископ Александр, содержатся указания не только на красивую природу, хорошие хозяйственные условия, но и на особую ауру места, которая также была важна для священнослужителя [Отчет о состоянии Туркестанской епархии за 1882 г.]. Владыке хорошо было известно про находящиеся на дне Иссык-куля (примерно в этом месте) развалины затонувшего города или монастыря.

Правда, судьба монастыря оказалась печальна. Первый игумен был назначен только в 1886 г., он с братией в девять человек прибыл сюда из Свято-Афонского Закубанского монастыря. Первый храм освящен только в 1887 г. Уже в 1888 г. настоятель самовольно оставил монастырь и увлек за собой послушников. А 30 июня 1889 г. все монастырские постройки были разрушены землетрясением. В 1892 г. приезжали восемь валаамских монахов. Новым архимандритом стал Севастиан. Однако и валаамской братии тоже не удалось обустроить монастырь. Уже к 1898–1899 гг., как сообщает епископ Аркадий [Отчет о состоянии Туркестанской епархии за 1898 г.], внутри братии начались жестокие распри, а епископ Дмитрий и вовсе был вынужден уволить архимандрита Севастиана за штат, сообщая об этом: «В первые годы своего служения в монастыре архимандрит Севастиан заботился о благосостоянии его, но и его поборол общий недуг» — предался пьянству [Отчет о состоянии Туркестанской епархии за 1904 г.]. Про одного из монахов, которого епископ призывал образумиться, сообщено так: «Беспробудное пьянство с пляской в нижнем белье среди сектантов — вот плоды этого священника. <...> Без сомнения с него придется снять сан».

Вместе с тем монастырь мог стать весьма обеспеченным материально. К началу XX в. помимо 2500 десятин земли за монастырем числились 300 голов скота, кузница, мельница, новый и хороший храм, обширный дом для братии, две пасеки с 225 ульями,

хорошие рыбные ловы. В 1899 г. монастырем был продан 231 пуд меду по 5 руб. за пуд [Отчет о состоянии Туркестанской епархии за 1898 г.]. Но эти природные богатства все же не использовались по-настоящему, равно как и о миссионерском своем предназначении братия в общем-то не помышляла.

Причины такого положения дел указывают практически одинаково в своих отчетах все епископы Ташкентские и Туркестанские начиная с 1890-х годов, а итог подводит владыка Иннокентий. В 1912 г. он пишет: «Но нужно сознаться, что ощутимой пользы для края монастырь все же не приносит. Главной причиной этого является отсутствие способных и развитых людей. За исключением настоятеля и нескольких иноков, способных к делу и потому несущих на себе всю тяжесть как внутреннего строя, так и внешних необходимых отношений, все остальные 50 человек способны разве лишь к черной работе, да и то в очень ограниченной степени. Это или преклонные старцы, или ленивые, или испорченные прежней мирской жизнью или самоочищением. Не говоря о прежнем времени, скажу лишь о том, что за полгода моего пребывания в Верном оттуда самовольно ушли: два иеромонаха (Иезикиль и Антоний), один иеродиакон (Рувим), два монаха (Ириней и Никодим) и несколько послушников» [Отчет о состоянии Туркестанской епархии за 1912 г.]. В 1915 г. епископ Иннокентий сообщает о миссионерской школе при монастыре: «Школьное помещение тесно, учебники плохи, учитель — дилетант (иеромонах Мелхиседек. — *В.С.*), киргизского языка не знает и трудится за послушание» [Отчет о состоянии Туркестанской епархии за 1915 г.].

Во время киргизского восстания 1916 г., связанного с началом призыва «туземцев» на военную службу в период Первой мировой войны, монастырь был совершенно разграблен и фактически уже не восстановился. Во время нападения киргизов было убито 7 монахов из 35. Убытки оцениваются в 150 тыс. руб. Угнан скот, разграблено церковное имущество, осквернены храмы. Последний игумен — архимандрит Иринарх — сумел спастись с частью братии. Кровавые подробности и жестокости в отношении монахов ярко описаны в отчете епископа Иннокентия [Отчет о состо-

янии Туркестанской епархии за 1916 г.]¹. В настоящее время от монастыря остались лишь здания трапезной и молельной, выполненные из прочного дерева. Сегодня на месте монастыря разместились детский дом.

Ак Булун и прилегающая к нему местность описаны еще в XIX в. как места, имеющие древние христианские корни. Еще в 1870 г. появились сведения об ушедшем под воду городе или монастыре, была сделана попытка их научного осмысления [Колпаковский 1870: 101–106]. Позднее изучивший каталанскую карту П.П. Семенов-Тянь-Шанский полагал, что армянский несторианский монастырь с якобы хранившимися в нем мощами евангелиста Матфея располагался при впадении реки Курменты в Иссык-Куль между Светлым мысом (Ак Булун) и селом Преображенское (Тюп). Обращался к этому сюжету и В.В. Бартольд [Бартольд 1964: 299–302].

Между тем обращает на себя внимание тот факт, что эта местность имела сакральное значение не только для христиан. Рядом располагался довольно значительный *мазар* Ышын-ата (Шын-ата). С.М. Абрамзон указывает: «Один молдо в сел. Чолпон-Ата (Приссыккулье) ознакомил нас с такой схемой: у Арстанбаба (знаменитый мазар, расположенный в Южной Киргизии, носит название Арсланбоб или Арстанбап) было семь сыновей, в честь которых воздвигнуты мазары: 1) Ойсул-Ата (находится в г. Кульдже), 2) Каракол-Ата (на берегу р. Каракол, возле г. Пржевальска, сейчас там кладбище), 3) Шын-Ата (на северном берегу оз. Иссык-Куль, около сельскохозяйственного техникума)» [Абрамзон 1971: 323].

Более раннее упоминание об этом *мазаре* находим у Ч. Валиханова, хотя локализован он несколько иначе: «Ишаната есть собственно название осинового рощи при устье реки. Так как на озере нигде нет осинового леса, то в роще этой видели сверхъестественное явление, называя святыней. Все ветки были убраны жертвами, лоскутками от платья и конским волосом. В долине

---

¹ Позднее начали писать про то, что монастырь был разграблен и уничтожен «коммунарами» в 1919 г. См., напр., [Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (Иким) 2002].

р. Курметы происходила знаменитая свалка сарыбагышей с бугу. Аул первых был под святой рощей, а бугинцев — на Сарыбулаке, посему причиной своего поражения бугу считают пристрастие святой рощи к своим соседям. На берегу Ишанаты много земляных насыпей, курганов» [Валиханов 1984: 268, 270].

В современном издании, посвященном святым местам Иссык-куля, находим следующее краткое описание: «Святое место представляет собой дерево и родник. Оно расположено в пяти километрах к северо-востоку от села Фрунзе. Рядом со святым местом на десяти гектарах посажены молодые ели» [Святые места Иссык-Куля... 2009: 38]. В другом издании, посвященном местам паломничества Иссыккуля, в общем списке *мазаров* упомянут Ышын-ата (район Курменту) и больше никакой информации [Зов наших предков... 2004: 76].

Описания расходятся, расходятся и точные места. Бросается в глаза, что Валиханов и Абрамзон ставят Ышын-ата «выше» любых других *мазаров* Тюпского района. Следует ли из этого, что он потерял свое значения для населения со временем? По всей видимости, значение *мазара* Ышын-ата со временем утратилось и, как представляется, это может быть связано как минимум с двумя причинами. Первая — это активная вырубка деревьев, которая проводилась на северном берегу озера в советское время, вторая — хотя бы и косвенная — деятельность православного монастыря, которая могла физически затруднить доступ к объектам паломничества.

Обращает на себя внимание тот факт, что выбор «святых мест», мест для устройства храмов, монастырей, молельных мест, особенно в условиях Центральной Азии, мог совпадать для представителей разных конфессий и религий. Изучение других православных учреждений с точки зрения выбора места их постройки, а также различных аспектов взаимодействия и взаимовлияния русского православия и ислама, доисламских культов в условиях Туркестана в конце XIX — начале XX в. остается, на наш взгляд, весьма интересной и перспективной задачей для будущих исследований.

Библиография

Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.

Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (По поводу семиреченских надписей) // Сочинения. М., 1964. Т. II. Ч. 2.

Бартольд В. В. Еще о христианстве в Средней Азии // Сочинения. М., 1964. Т. II. Ч. 2.

Валиханов Ч. Собр. соч. Алма-Ата, 1984. Т. I.

Вяткин В. Л. Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета // Справочная книга по Самаркандской области. Самарканд, 1902. Вып. 7.

Зов наших предков. Природные святы места Ысык-Кельской биосферной территории / Под ред. Ш. Демпке, Д. Мусиной. Бишкек, 2004.

К истории христианства в Средней Азии. (XIX–XX вв.). Ташкент, 1998.

Колпаковский Г. А. О древних постройках в Исык-куле // Известия Русского географического общества. 1870. Т. 6. № 1.

Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (Иким). Земля потомков патриарха Тюрка. Духовное наследие Киргизии и христианские аспекты этого наследия. М., 2002.

Отчет о состоянии Туркестанской епархии за 1882 г. // РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 805, л. 10–10 об.

Отчет о состоянии Туркестанской епархии за 1898 г. // РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1872, л. 40 об–41.

Отчет о состоянии Туркестанской епархии за 1898 г. // РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 1872, л. 40 об.

Отчет о состоянии Туркестанской епархии за 1904 г. // РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2064, л. 9 об.

Отчет о состоянии Туркестанской епархии за 1912 г. // РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2553, л. 37 об.

Отчет о состоянии Туркестанской епархии за 1915 г. // РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2739, л. 15 об.

Отчет о состоянии Туркестанской епархии за 1916 г. // РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 2767, л. 68–111.

Святы места Исык-Куля: паломничество, дар, мастерство. Бишкек, 2009.

Список сокращений

РГИА — Российский государственный исторический архив.